

Из-за политико-административной разобщенности Туркменистана и крайне слабой степени советизации хорезмских и бухарских туркмен процесс ассимиляции малых племен продолжался здесь вплоть до национального размежевания Средней Азии (1924 г.), после чего он сменился качественно новым процессом сложения туркменской социалистической нации, который на юге и западе Туркменистана начался несколько раньше, сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В целом монография Г. П. Васильевой чрезвычайно ценное и интересное исследование, которое будет очень полезно всем интересующимся современными этническими социальными процессами, происходящими не только в Туркменистане, но и на всем Советском Востоке. Нельзя при этом не высказать сожаления по поводу отсутствия указателей и чрезвычайной краткости оглавления, что очень затрудняет пользование книгой.

А. А. Росляк

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник) М., 1969, 205 стр.

В современном североведении общепринятой является точка зрения, что предки эскимосов пришли в Америку из Азии. Поэтому для выяснения происхождения этого народа особое значение имеют археологические исследования на северо-востоке Азии, там, где когда-то начинался берингоморский мост, по которому люди могли беспрепятственно перейти на Аляску. Между тем древнеэскимосские культуры на азиатском побережье Берингова пролива до сего дня остаются менее изученными, чем родственные им культуры американского берега. Именно поэтому и для советских, и для зарубежных исследователей Севера столь большой интерес представляет только что вышедшая монография С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева об Уэленском могильнике, замечательно по своему богатству памятнике эскимосской культуры на Чукотке.

Уэленский могильник был открыт в 1955 г. Д. А. Сергеевым, а в 1957—1960 гг. детально исследован Чукотским отрядом Северной экспедиции под руководством М. Г. Левина, а позднее Д. А. Сергеева. Здесь было раскопано 76 погребений и вскрыта общая площадь свыше 500 м². Рецензируемой публикацией вводится в широкий научный оборот весь обширный материал, собранный за время раскопок. Уже одно это делает монографию С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева ценнейшим источником по древней истории Северо-Восточной Азии. Кроме того, в работе рассматриваются и некоторые общие вопросы развития эскимосской культуры, а также ее историография.

Монография состоит из введения, девяти глав (гл. I — Русская историография проблемы эскимосской культуры; гл. II — Вопросы хронологии и соотношения древнеэскимосских культур района Берингова моря; гл. III — Уэленский могильник. Общая характеристика; гл. IV — Комплекс зверобойного снаряжения из Уэленского могильника; гл. V — Проблема крылатых предметов; гл. VI — Характеристика орудий подсобных промыслов древних эскимосов; гл. VII — Предметы быта, домашнего обихода и вспомогательного охотничьего снаряжения; гл. VIII — Орудия обработки дерева, кости и камня; гл. IX — Изобразительное искусство) и трех приложений.

Приложения посвящены исследованию антропологических материалов Уэленского и также Эквенского могильников и включают «Одонтологический анализ черепных серий из Эквенского и Уэленского могильников» А. А. Зубова, «Патологические изменения на скелетах из Эквенского и Уэленского могильников» Г. В. Лебединской и «Состояние зубочелюстной системы древнего населения Чукотки» Т. С. Сурминой.

Во введении авторы сообщают некоторые общие сведения об эскимосах, о Чукотке и о крупнейших могильниках, Уэленском и Эквенском, обнаруженных на этой территории.

В первой главе подробно рассматривается вклад русских дореволюционных и советских ученых в решение эскимосской проблемы. Думается, что ограничение историографии отечественными исследованиями вполне оправдано, так как она освещена в существующей литературе значительно менее полно, чем история зарубежных исследований по эскимосской проблеме. Авторы подробно разбирают и критически анализируют взгляды каждого из русских ученых.

Большой интерес представляет вторая глава, посвященная историческому соотношению древнеэскимосских культур. В ней, в частности, убедительно доказывается ошибочность широко распространенной точки зрения, что оквикская культура предшествует древнеберингоморской, и развивается мысль, что оквик представлял собой локальный вариант древнеберингоморья или же сосуществовал с ним, но никоим образом не предшествовал ему.

В третьей главе описывается каждое из погребений Уэленского могильника. Заключается она тщательно разработанной таблицей, дающей статистическую характеристику элементов конструкций могил и найденного в них инвентаря.

В главе четвертой привлекает особое внимание разработанный авторами типология наконечников гарпунов. Это оказалось необходимым, так как значительная часть этих предметов, найденных в Уэленском могильнике, не укладывается в известную класси-

фикацию Г. Коллинза. Авторам рецензируемой книги удалось создать классификацию, включающую любые из известных типов наконечников.

Анализируя последние, С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев рассматривают их в тесной связи с условиями зверобойного промысла в разных районах расселения эскимосов.

Интересны и высказываемые здесь же соображения о падении роли боковых вкладышей и возрастании значения концевых копыц по мере совершенствования наконечников гарпунов. Глава завершается многочисленными таблицами с рисунками найденных в Уэленском могильнике наконечников, а также таблицей конструкций наконечников, выраженных в гарпунных формулах.

Глава пятая посвящена так называемым крылатым предметам, несколько десятков которых было найдено в Уэленском и Эквенском могильниках. Назначение этих предметов вызвало много споров. Их считали и прототипами реалистических изображений чайки, и навершиями шаманских жезлов, и крылатыми наконечниками неизвестного типа гарпуна.

Д. А. Сергеев и С. А. Арутюнов высказывает интересную мысль о том, что крылатый предмет служил связующим звеном — брештуком — между боковыми стрингерами и мидельвейсом каяка и одновременно являлся украшением. Свое предположение авторы основывают как на археологических, так и на этнографических материалах, и оно представляется обоснованным.

В главе шестой, где характеризуются орудия подсобных промыслов, найденные в Уэленском могильнике, наибольшее внимание уделяется наконечникам стрел. Авторы проводят интересные параллели между некоторыми наконечниками из Уэленского могильника и рыболовными каменными наконечниками, распространенными в прошлом в Северной Америке.

В главе седьмой подробно описываются такие предметы домашнего обихода и вспомогательного охотничьего снаряжения, как женский нож — уляк, сохранивший свою форму со времени древнеберингоморской культуры до сегодняшнего дня, каменные скребки, шилья, костяные иглы, карабины для транспортировки убитых животных, снеговые очки и т. д. Авторы подчеркивают, что многие из этих предметов одновременно со своей основной функцией имели и культовое значение. Так, зооморфные карабины для транспортировки кита должны были примирить убитое животное с охотниками.

Интересны также содержащиеся в этой главе данные об изменении функций некоторых предметов бытового обихода. Так, штампы для нанесения орнамента на керамику позднее, с развитием торговли и заменой глиняной посуды металлической, стали применяться как терки для растирания листового табака.

В главе восьмой наибольший интерес, на наш взгляд, представляет вопрос о времени появления железа и характере его использования в древнеэскимосских культурах. Как известно, в 1959 г. Д. А. Сергеевым был найден гравировальный инструмент с железным лезвием. Эта находка наряду с выявленными С. А. Семеновым признаками следов работы металлическими орудиями на изделиях из кости древнеберингоморского времени свидетельствует, что «металлические орудия достаточно широко применялись при обработке моржового клыка... Однако, несмотря на использование железа на древнеберингоморско-оквикском этапе эскимосской культуры, в целом эта культура является неолитической» (стр. 169).

Богатому и сложному искусству древнеберингоморья посвящена глава девятая рецензируемой работы.

В ней, в частности, доказывается, что искусство древнеберингоморцев, так же как их хозяйственный и культурный комплекс, нельзя рассматривать как привнесенные извне, хотя на нем и сказались отдельные влияния, пришедшие из района северной части Тихого океана, откуда были привнесены некоторые элементы орнамента, с восточного побережья того же океана, откуда, по-видимому, пришли некоторые формы культуры, и наконец, — из материальной культуры чукчей.

Заслуживают внимания также соображения авторов об основных тенденциях в творчестве древнеберингоморцев, например о мистическо-магическом осмыслении их искусства, особенно при украшении предметов зверобойного промысла, и в то же время о постоянно чувствующемся стремлении выработать для орудий труда и предметов быта наиболее удобную и красивую форму.

Антропологические приложения, насколько мы можем судить, также представляют значительный интерес и содержат ряд общих выводов об антропологическом типе серий из Уэленского и Эквенского могильников, об общем происхождении этих серий древнеберингоморцев и их возможных причинах и, наконец, об особенностях зубочелюстной системы этих людей.

Оценивая рецензируемую книгу, надо еще раз подчеркнуть, что она не только вводит в научный оборот большой новый археологический материал. Не менее важно то, что для осмысления этого материала привлекаются данные этнографии, полученные при расспросах информаторов эскимосов и чукчей. Последовательное применение этого метода позволило авторам дать убедительную трактовку, например, таких загадочных явлений материальной культуры, как крылатые предметы.

Вместе с тем такая большая и сложная работа не может не вызвать и некоторых критических замечаний.

На наш взгляд, надо было бы четче сказать о месте древнеберингоморской культуры в ряду древних эскимосских культур. Как отмечалось выше, сейчас практически в североведы единодушно считают, что предки эскимосов пришли в Америку из Азии. И одновременно столь же бесспорным является и тот факт, что древнейшие из ныне известных эскимосских культур найдены пока только на американской стороне Берингового пролива, на азиатском же побережье мы знакомы лишь с такими сравнительно поздними культурами, как древнеберингоморская. Иными словами, более древние культуры открыты там, где они появились позднее.

Констатация этого обстоятельства нужна не только в интересах точности, но и в того, чтобы указать на действительную необходимость поисков на Чукотке эскимосских культур, предшествовавших древнеберингоморской. Правда, в главе второй приводятся хронологические таблицы культур Берингоморья, составленные Ларсеном и Рейни, Рейни и Ральфом, Гиддингсом. Но остается не вполне ясным, какие из фигурирующих в этих таблицах культурных комплексов авторы рецензируемой монографии считают эскимосскими, а какие нет.

Имеются в книге и отдельные неудачные или неточные формулировки, например на стр. 19, 20, но их немного. В целом же монография С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева представляет собой крупный вклад в изучение истории народов Севера, ее появление — свидетельство больших успехов советского эскимосоведения.

Л. А. Файнбе

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Ernő Tárkány Szűcs. Eingetragene Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn. «Acta Ethnographica, Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XVII, Fasciculi 3—4, Budapest, 1968.

Исследование различных систем знаков собственности дает новые ключи для решения ряда важных проблем исторической науки. Советские ученые О. Акчокраклы, И. И. Мещанинов, Б. А. Рыбаков¹, а в последнее время Э. Соломоник² опубликовали ряд ценных трудов, посвященных знакам.

Автор данной рецензии также написал ряд статей на эту тему³.

В рецензируемой работе обобщены результаты изучения знаков на скоте. В первой главе «Понятие знака собственности» (стр. 225—229) излагаются исходные данные, положенные в основу работы. Их суть заключается в следующем: 1) кроме знаков собственности, на скот наносились и знаки для различения пород скота, его происхождения, для опознания в случае потери или в санитарных целях; 2) тамги на скоте выжигались, тагуировались, наносились краской и т. д.; 3) обычай метить животных зародился в период приручения диких животных и появления скотоводства, а первым в истории тамгами были родовые и племенные тамги. Эти положения представляют нам совершенно правильными.

Во второй главе «Исторические следы выжиганий тамг на скоте в Венгрии» (стр. 229—233) автор выделяет три исторических периода применения тамг для тагуирования скота в Венгрии: 1) От возникновения тамг по XV в. включительно; 2) с конца XV в. по 1794 г., когда, с одной стороны, местные власти стали настаивать на обязательном тагуировании скота, а, с другой, шел процесс обособления семей, в связи с чем появилось большое количество близких по форме тамг; 3) с 1794 г. и далее, когда был издан государственный указ об учете скота, и на домашних животных, помимо прочих знаков, наносилось еще и территориальное клеймо магистрата.

¹ О. Акчокраклы, Татарские тамги, Симферополь, 1927; И. И. Мещанинов, Загадочные знаки Причерноморья, «Изв. Государственной Академии материальной культуры» (далее ЦГАИМК), вып. 62, Л., 1933; Б. А. Рыбаков, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси, «Сов. археология», VII, 1940.

² Э. И. Соломоник, Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1969.

³ В. С. Драчук, До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем, «Науковий збірник Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка за 1956 рік» (далее НШ), Київ, 1957, стр. 126—128; его же, Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі, «Студентські наукові праці Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка» (далее СНП), XXIII, Київ, 1958, стр. 165—174; его же, Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдовії (До питання про сферу вжитку загадкових знаків), СНП, XXVII, Київ, 1961, стр. 19—25; его же, Родові тамги на предметах побуту, «Народна творчість та етнографія» (далее НТЕ), № 1, Київ, 1968, стр. 39—46; его же, Про вивчення загадкових знаків в вітчизняній та зарубіжній історичній літературі, «Український історичний журнал» (далее УІЖ), Київ, 1969, № 12.